

шолтфа

А.С.Мишура, А.В.Павлов
«ПАТРИАРХИЯ»:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
РОБЕРТА ФИЛМЕРА

Ключевые слова: Роберт Филмер, Джон Локк, политическая теория, патриархия, естественное право

В истории политической философии имя Роберта Филмера осталось прежде всего благодаря первому из «Двух трактатов о правлении» Джона Локка. Именно из-за Локка тексты Филмера читали вплоть до середины XX в. Естественно, что при их интерпретации использовались преимущественно локковские схемы. Впрочем, чтением Локка многие и ограничивались. Так обстояли дела до выхода в свет статей британского историка Питера Ласлетта¹, а также издания работ Филмера под его редакцией². Конечно, и до Ласлетта находились люди, отдававшие должное глубине и последовательности мысли Филмера (в которых Локк своему оппоненту часто отказывал), например Томас Элиот и Джон Невилл Фиггис³. Однако их голоса не были услышаны. Так, в фундаментальных трудах Джорджа Пибоди Гуча и Гарольда Ласки по истории политической теории Филмер по-прежнему предстал «энергичным, но скабрезным памфлетистом», которому подробно ответил великий Локк⁴. После появления статей Ласлетта изучение идей Филмера значительно продвинулось, но за пределами узкого круга специалистов он все еще рассматривается главным образом как «груша для битья», которой он служил Локку. Кроме того, исследователей Филмера до сих пор интересует скорее контекст, в котором он творил, нежели собственно содержание и смысловое ядро «Патриархии», выявить которое можно, лишь понимая, чего хотел добиться Филмер своим трудом. Так кто такой Филмер и действительно ли в его рассуждениях имеется нечто, заслуживающее внимания безотносительно к Локку? На эти вопросы и призвана ответить данная статья.

Можно выделить два подхода к изучению работ Филмера — сугубо исторический и политико-философский. Приверженцы первого с головой погружаются в социальный и идеологический контекст, в котором создавалась «Патриархия», и — зачастую в ущерб текстуальному анализу — стараются сообщить как можно больше подробностей о ее авторе. Сторонники второго не столько пытаются вписать Филмера в традицию политико-философской мысли, сколько используют его в качестве «трамплина» для обсуждения идей более именитых философов. По нашему убеждению, оба этих подхода неправомерны. Поэтому основная задача настоящей работы заключается в том, чтобы

¹ Laslett 1948a, 1948b.

² Filmer 1949.

³ См. Bradshaw 1995: 375—379; Figgis 1914.

⁴ См. Gooch 1915; Laski 1920.

показать, что Филмер имеет полное право претендовать на самостоятельное место в политико-философской традиции. В любом случае, несмотря на кажущуюся простоту и «экстравагантность» его воззрений, следует более внимательно подойти к его главному произведению и постараться понять, какие мысли в нем содержатся. Второй, не менее значимой задачей данного исследования является экспликация тех конкретно-политических целей, которые преследовал Филмер при написании «Патриархии». Но прежде чем приступать к их решению, целесообразно кратко остановиться на оценке Филмера в русскоязычной историографии, а также рассмотреть феминистские интерпретации его концепции.

**Мыслитель,
обделенный
вниманием**

⁵ Нерсесянц [Nersesjanc] (ред.) 2000: 255.

⁶ Лейст [Lejst] (ред.) 2006.

⁷ История [Istorija] 1989: 40.

⁸ Именно из него, а также из «Лекций по истории философии права» Павла Новгородцева (Новгородцев [Novgorodcev] 1914) почерпнута информация, приводимая в статье А.А. Тесля «Яков I и Роберт Филмер: политическая доктрина абсолютизма» (Тесля [Teslja] б.г.).

⁹ См. Новгородцев [Novgorodcev] 1914.

¹⁰ См. Коркунов [Korkunov] 1915.

В русскоязычных исследованиях по истории политической и правовой мысли Филмер занимал и занимает очень скромное место. Например, в классическом учебнике «История правовых и политических учений» под редакцией Владика Нерсесянца Филмеру посвящен всего один абзац⁵, а в аналогичном учебнике под редакцией Олега Лейста⁶ он не упоминается вообще. Такое положение вещей во многом объясняется тем, что отечественные специалисты чаще всего игнорируют «Первый трактат о правлении» Локка, уделяя внимание главным образом «Второму».

Разумеется, это не означает, что о Филмере никто не слышал. Так, в «Истории политических и правовых учений XVII—XVIII вв.», опубликованной в рамках серии «История политических и правовых учений», он удостоился нескольких страниц. Более того, мысль Филмера рассматривается там вне привязки к «Первому трактату о правлении» Локка. Видно, что автор соответствующей главы хорошо проработал имевшуюся на тот момент литературу о Филмере, зафиксировав важный сдвиг в исследовательском внимании к мыслителю: «Иронически-скептическое отношение к Филмеру, установившееся благодаря критике его оппонентов... в последнее время сменилось интересом к этой фигуре как к заметному и типичному для своего времени явлению»⁷. Однако сам этот текст — наиболее подробный из существующих на русском языке⁸ — едва ли можно расценивать как отражение данного сдвига: круг охваченных в книгах серии «мыслителей» настолько широк (туда входят, в частности, такие экзотические персонажи, как правовые мыслители Казахстана XVII в.), что включение в него ни в коей мере не может интерпретироваться как признание.

Довольно слабый интерес к Филмеру проявляли и дореволюционные исследователи. В «Лекциях по истории философии права» Новгородцева ему, правда, уделено несколько страниц⁹, но в вышедшей годом позже книге другого русского юриста-историка Николая Коркунова, где упоминается много малоизвестных имен, о Филмере нет ни строчки¹⁰. А в фундаментальном труде одного из наиболее уважаемых отечественных философов права Бориса Чичерина «История политических

¹¹ См. Чичерин [Chicherin] 2006: 453—458.

¹² См. Рассел [Russell] 2001.

¹³ *Феминистская критика* [Feministskaja kritika] 2005.

учений» о Филмере говорится исключительно как о том, кому оппонировал в своих текстах Алджернон Сидней¹¹.

В переводной литературе имя Филмера встречается чаще. Например, в «Истории западной философии» Бертрانا Рассела ему посвящено несколько параграфов¹², хотя речь в них идет не столько о существовании идей Филмера, сколько об историческом контексте его творчества. Характерно, что чаще всего к построениям Филмера обращаются исследовательницы, использующие феминистскую методологию. Так, в сборнике «Феминистская критика и ревизия истории политической философии»¹³ с краткого описания ключевых его тезисов начинаются статьи и о Локке, и о Томасе Гоббсе. Столь пристальное внимание феминисток к автору «Патриархии» легко объяснимо. Гораздо сложнее объяснить, почему они не посвящают ему отдельных текстов, рассматривая его исключительно в привязке к Локку или Гоббсу.

Феминистские интерпретации концепции Филмера

Феминистки по-разному трактуют политические идеи Филмера. В частности, Кэрол Пейтмен убеждена, что представления о Филмере как о человеке, выведившем политическое право монархов из права отцовства, не соответствуют действительности. По ее мнению, источником политического права для него выступает не отцовство, а «принадлежность к полу». Она обрушивается на Филмера, фактически объявляя его «сексистским политическим теоретиком». На самом деле, пишет она, «отцовское право не является источником права политического. Право отцовства устанавливается только после того, как появляется политическое право. Прежде чем мужчина приобретет естественное право отцовства, требуется еще одно право политического происхождения. Сыновья не появляются как грибы, о чем Филмер незамедлительно напоминает Гоббсу. Политический статус Адама дарован ему *до того*, как он становится отцом. И если ему надлежит стать отцом, тогда Еве надлежит стать матерью. Другими словами, *право принадлежности к полу (sex-right) или супружеское право должно с необходимостью предшествовать праву отцовства*. Становление политического доминирования основывается на праве принадлежности Адама к полу, а не на праве его отцовства»¹⁴.

¹⁴ Пейтмен [Pateman] 2005: 88.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же: 89.

Таким образом, Пейтмен утверждает, что, хотя право пола в «Патриархии» остается в тени, постоянно звучащие в ней отсылки к книге Бытия («Бог предписал Адаму господствовать над своей женой, и ее желания должны быть подчинены ему»¹⁵) ясно свидетельствуют о «сексизме» Филмера. О том же говорят и рассуждения Филмера о благородстве мужчин и их решающем вкладе в производство потомства, в связи с чем женщины предстают не более чем «пустыми сосудами, предназначенными для мужской сексуальной и детородной мощи»¹⁶. Более того, как считает Пейтмен, в концепции Филмера Адам оказывается также отцом Евы, причем единственным ее родителем, поскольку та была создана из его «материала». Чуть позже мы вернемся к этому любопытному взгляду

на теорию Филмера, а пока лишь отметим, что даже если эта интерпретация не соответствует замыслу «Патриархии», она представляет эвристическую ценность для дальнейших рассуждений.

В свою очередь, Мелисса А. Батлер обращает внимание на рациональные основания взглядов Филмера. Прекрасно понимая, что сегодняшнему читателю покажется странным, что кто-то всерьез мог считать власть Адама первоисточником королевской власти, она разъясняет истоки подобной трактовки. Дело в том, что сторонники патриархата видели в Библии не просто Священное Писание, но и древнейший исторический источник. Однако этот исторический источник содержал не совсем те идеи, которые могли стать неопровержимыми аргументами в пользу власти отца. И если средневековые мыслители часто рассуждали о политической жизни как о чем-то появившемся вследствие грехопадения, то перед Филмером стояла куда более сложная задача: поскольку в его глазах политическая жизнь была не наказанием, а благом (точнее, благодатью Божией), он должен был доказать, что она, а значит, и сотворенный вместе с ней политический порядок были созданы с самого начала, еще до соблазна Евой Адама. Кроме того, он, по-видимому, осознавал уязвимость концепции, связывающей установление политической власти с грехопадением (каковой, кстати, не преминул воспользоваться Локк): после грехопадения Адам вряд ли мог ожидать от Бога каких-либо подарков, тем более подарков в форме власти над Евой и ее влечениями. Соответственно, для подтверждения своего тезиса ему нужен был не только иной аргумент, но и иная посылка. Поэтому Филмер обращался к другому стиху из Книги Бытия (1:28), из которого якобы следовало, будто власть Адама изначально носила монархический характер, то есть Бог благословил Адама на правление женой и всем, что ей принадлежит¹⁷.

¹⁷ Батлер [Butler] 2005: 113.

Несмотря на то в работах феминисток Филмер обвиняется в искажении Священного Писания и «сексизме», а его концепция непременно соотносится с установками Локка либо Гоббса, те же самые феминистки нередко отмечают, что с логической и даже этической точки зрения доводы Филмера зачастую выглядят более убедительными, нежели рассуждения теоретиков общественного договора.

Модели «патриархии»

Именно у феминисток, хотя они и не ставили перед собой такой цели, можно найти аргументы, свидетельствующие об оригинальности политической философии Филмера. Пейтмен упоминает три исторические версии теории патриархии — традиционную, классическую и современную¹⁸. В каждой из этих версий содержится собственная трактовка власти внутри семей, которую можно экстраполировать на общество в целом — иногда в прямом, но чаще в метафорическом смысле. Филмер, по мнению Пейтмен, был приверженцем классической версии, Гоббс — современной. К сожалению, исследовательница не называет сторонников традиционной патриархатной теории (и вообще

¹⁸ Пейтмен [Pateman] 2005: 87.

фактически оставляет ее за скобками), однако есть основания полагать, что речь идет об Аристотеле или, скажем, об ориентировавшемся на него французском правоведе Жане Бодене. В пользу этого, в частности, говорит следующий пассаж из текста Пейтмен: «Веками семья и власть патриарха-отца, главы семейства, создавали модель и образ политического общества и политического права»¹⁹. В чем же состоят различия между этими теориями?

¹⁹ Там же.

Тему мельчайших форм власти, растворенных внутри семьи, внес в политическую философию еще Аристотель, предложивший рассматривать семью, а точнее — «домохозяйство», как трехчастную модель властных отношений, взаимосвязанных и накладывающихся друг на друга, но тем не менее представляющих собой отдельные типы. Эти три типа — отношения мужа и жены, отца и детей и господина и рабов. Во всех трех случаях имеется глава (муж, отец, господин) и те, кто ему подчинен, причем в роли главы всегда выступает, по сути, одно и то же лицо. Соответственно, вопрос элементарных форм власти — это вопрос об *отношении* главы к разным типам «подопечных»²⁰. Некоторые исследователи полагают, что первые две формы властных отношений внутри домохозяйства Аристотель считал «политическими», тогда как третью (господин — рабы) — «деспотической»²¹, хотя было бы правильнее называть ее «господскою». Эта трехчастная модель еще долго будет влиять на труды политических теоретиков, придерживающихся традиционного взгляда на патриархию.

²⁰ См. Аристотель [Aristotle] 1983.

²¹ Саксонхаус [Saxonhause] 2005: 59.

Представления Гоббса о властных отношениях в семье эксплицирует та же Пейтмен. Она обращает внимание, что семья, по Гоббсу, «состоит из мужчины и его детей; или из мужчины и его слуг; или из мужчины, его детей и слуг вместе; во всех этих случаях сувереном является отец или господин»²². Очевидно, что в приведенном определении отсутствует категория «жены». В результате модель у Гоббса становится уже не трехчастной, а двухчастной (за счет устранения отношений по линии «муж—жена»), и жена фактически приравнивается по статусу к «слуге»²³. Такова, согласно Пейтмен, современная версия теории патриархии, появившаяся позднее классической. Тем не менее последняя даже интереснее, ибо в ней остается лишь один тип властных отношений — отношения отца и детей. И жена, и слуги — все они являются для отца детьми, которых он должен любить и опекать. Детально обосновавший данный тезис Филмер тем самым предложил абсолютно новаторскую модель патриархии, и вовсе не случайно, что именно на него, а не на кого-то другого отреагировал Локк.

²² Цит. по: Пейтмен [Pateman] 2005: 96. В оригинале у Гоббса использовано слово «человек», а не «мужчина» (Гоббс [Hobbes] 1991: 159), однако переводчики сочли (и вполне справедливо), что в данном контексте точнее говорить о «мужчине».

²³ Подробнее см. Пейтмен [Pateman] 2005: 87.

«Патриархия» глазами Локка

При анализе места Филмера в истории политико-правовой мысли, разумеется, не обойтись без обращения к той интерпретации его построений, которая была предложена в «Первом трактате о правлении». Следует уточнить, что нас будет интересовать не столько критика Локком этих построений, сколько его видение «поразительной системы»²⁴

²⁴ Локк [Locke] 1988: 137.

Филмера, а также релевантность такого взгляда для понимания «Патриархии» и целей, которых стремится достичь ее автор. Вместе с тем, учитывая предельно полемический характер работы Локка, такой угол зрения позволит раскрыть и суть локковской критики.

- Главная идея «Патриархии», по мнению Локка, сводится к тому, что «всякое правление есть абсолютная монархия»²⁵, а ее доказательство основано на тезисе: «Ни один человек не рождается свободным»²⁶. Общая схема рассуждений Филмера представлена им следующим образом: будучи первым человеком, сотворенным Богом, Адам уже в силу этого был поставлен над всеми людьми²⁷. Кроме того, Бог сам даровал ему власть над миром природы, а также над другими людьми, которым предписывалось во всем подчиняться Адаму²⁸. Власть Адама по своей сути была властью отца (патриарха) над детьми, при этом отцовская власть равна монархической²⁹ и ничем не ограничена³⁰. Власть над женой Адам получил после грехопадения. После смерти Адама вся власть перешла к его наследнику, который стал новым абсолютным монархом, отцом народа³¹. Далее власть патриарха передавалась по наследству вплоть до современных Филмеру королей Англии. Ключевой характеристикой монархической власти является ее полная независимость от воли других людей. Монарх как отец подотчетен только Богу, ни народ, ни отдельные лица не способны наделить короля его властью. Одновременно монарх стоит выше закона (позитивного права), поскольку тот есть лишь выражение его воли³². Как отец монарх вправе распоряжаться жизнью и смертью подданных, а те, со своей стороны, не имеют никакой власти над ним³³. Иначе говоря, каждый человек рождается подданным, или, в полемической формулировке Локка, «рабом» своего отца, а также монарха, чья власть базируется на естественном праве отцовства.

В своей интерпретации филмеровской конструкции Локк отталкивается прежде всего от библейских событий. По этой причине ее критика тоже разворачивается преимущественно в плоскости толкования Священного Писания. Более того, Локк уделяет Библии больше внимания, чем это делал сам Филмер, который часто ссылаясь на историю Англии (особенно в третьей главе «Патриархии»), а также на античную историю (главным образом во второй главе). Но это, в свою очередь, означает, что при лишении Библии абсолютного авторитета в сфере исторического познания в значительной мере теряют свою силу и доводы Локка. Вероятно, отсюда проистекает довольно распространенная точка зрения, согласно которой «Первый трактат», в отличие от «Второго», имеет сугубо историческую ценность как отражение «идеологического мышления»³⁴. Однако в аргументации Локка, помимо исторического, представлен и теоретический аспект, основанный на его собственной теории естественного права. Здесь критика Локка сохраняет свое значение даже при снижении авторитета Писания. Если у Филмера естественным правом (в смысле правомочия) обладает только отец, то Локк наделяет таковыми всех людей.

³⁴ Эшкрафт [Ashcraft] 2008: 374.

³⁵ *Подробнее о контексте написания «Двух трактатов» см. Ashcraft 1980.*

³⁶ *Локк [Locke] 1988: 138.*

³⁷ *См. Cuttica 2011: 195.*

При всем том содержательные особенности локковской интерпретации Филмера нельзя понять в отрыве от контекста, в котором создавались «Трактаты о правлении»³⁵. Задачей Локка было опровергнуть автора «Патриархии», а вовсе не корректно передать его мысли. При этом Локк боролся, разумеется, не с Филмером, а с политической группой, использовавшей его теорию (о чем прямо говорится в предисловии к «Двум трактатам»³⁶). Поэтому уже сама его установка в отношении Филмера едва ли была исследовательской. Он писал свою работу спустя 50 лет после появления «Патриархии»³⁷, и его в принципе не интересовало, какие цели и почему ставил перед собой ее автор. Как следствие, интерпретация Локка раскрывает лишь самый поверхностный слой рассуждений Филмера, а именно концепцию прямого наследования английских королей Адаму. Между тем, хотя эта концепция и содержится в работе Филмера, сама по себе она не позволяет понять, зачем он ее создает и защищает. Если безоговорочно принять интерпретацию Локка, то можно сделать вывод, что главной целью Филмера было доказать своим соотечественникам, что они рабы.

Проблемы с естественным правом

На самом деле уникальность Филмера в том, что он смог органически объединить две противоборствовавшие на протяжении веков политико-философские идеи — естественного права и историзма. Чтобы избежать недопонимания, поясним: речь идет не об историцизме в смысле непреложных законов исторического развития, установленных Провидением, Богом, Духом либо имеющих какие-то иные истоки, то есть не об историцизме, что проявится позднее в трудах Огюста Конта, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля и Карла Маркса. Историзм Филмера заключался в том, что он настаивал на буквальном, а не метафорическом наследовании власти от Адама непосредственно к королю Англии *на протяжении истории*. Вместе с тем Филмер доказывал, что право короля на власть имеет одновременно и божественный, и естественно-правовой характер, прямо заявляя, что власть королей является «естественной», то есть соответствующей законам природы, вечному разуму. Другими словами, он имел такие же основания называть свою теорию естественно-правовой, что и прочие сторонники концепции «естественного права», пусть те и были яркими приверженцами идеи народовластия.

³⁸ *Мейнеке [Meinecke] 2004: 7.*

Как справедливо отмечает немецкий историк Фридрих Майнеке, «естественное право могло быть использовано для формирования самых разных идеологий, яростно споривших друг с другом. Считавшийся вечным и вневременным человеческий разум мог оправдать все их, не замечая, что при этом сам он утрачивал свой вневременной характер и оказывался тем, чем и был в действительности, — исторически изменяющейся, индивидуализирующей силой»³⁸. Таким образом, почти каждое представление о естественном праве на деле оказывалось тесно связано с историческим контекстом, а следовательно, включало в себя

элемент историзма. Филмер, отвергший идею общественного договора в пользу человеческой истории, легко мог избежать обвинений по этому пункту. Грубо говоря, он придумал и детально обосновал привлекательную для своих современников версию «естественного права», вступающую в противоречие с тем естественным правом, из которого исходили поборники теории общественного договора, начисто отрицавшие историю и отстаивавшие «чистую» идею социального контракта, охватывавшего всех людей. Вот почему Локку как родоначальнику нового стиля политической аргументации пришлось противостоять Филмеру, причем в уже устаревшем (хотя и, по-видимому, сохранившем свою притягательность) дискурсивном поле: идеи Филмера были понятны.

³⁹ Neumann 1957: 69—91.

По заключению Франца Ноймана, несмотря на серьезные расхождения в трактовке естественного права, всем соответствующим теориям присущи и некоторые общие черты³⁹. Однако взгляды Филмера не вписываются в общую схему. В частности, в отличие от других мыслителей, касавшихся данной проблематики, автор «Патриархии» отвергал посылку о рациональности человека и вносил серьезные коррективы в представление о том, что действительным субъектом естественного права являются не какие-то искусственные образования (корпорации, государства и пр.), а человек. Филмер тоже считал субъектом естественного права человека, но не человека как такового, а вполне конкретное лицо, получившее право на власть одновременно от Бога и от природы. Этот человек — монарх, и его власть не деспотическая, а *отеческая* (что снимало вопрос о возможности злоупотребления властью, ибо подобная власть соответствовала вечному разуму). Есть, пожалуй, только один пункт, по которому Филмер мыслил в рамках «универсальных установок» естественного права, и, вопреки инвективам Локка, это то, что никто не может быть рабом. Подданные монарха рассматривались им в качестве не рабов, но детей, что, даже с точки зрения Аристотеля, которого Филмер знал и ценил едва ли не больше других философов, означало, как упоминалось выше, власть политическую, а вовсе не деспотическую или господскую⁴⁰.

⁴⁰ Саксонхаус [Saxonhausc] 2005: 59.

Филмер критиковал общественный договор именно с позиций историзма, замечая, что не может себе представить место и время, где и когда бы собралось все человечество и решило, по каким принципам оно будет строить свою будущую жизнь. Более того, по вопросу о свободе каждого человека он был куда последовательнее и честнее своих оппонентов, вскрывая реальные слабые стороны теории естественного права, делавшей акцент на логике и этике.

«Патриархия» в контексте

Филмер начинает свое сочинение с краткого изложения конкретной теории естественного права, которая и становится главной мишенью его критики. Суть этой теории передают следующие положения: (1) люди рождаются равными и свободными от любого принуждения со стороны других людей; (2) светская власть изначально принадлежит

всем и никому конкретно; (3) люди (народ) делегируют светскую власть некоему лицу или лицам, так возникают различные формы правления; (4) народ вправе менять формы правления по своей воле, решением большинства. Приписывая создание этой теории схоластам, Филмер воспроизводит ее прежде всего на основе выдержек из работ кардинала Роберто Беллармина и называет папистов (Беллармина), иезуитов (в первую очередь Франсиско Суареса) и кальвинистов главными распространителями такого взгляда на естественное право (гл. 1, п. 1, 2)⁴¹. Тем самым Филмер объявляет своими оппонентами представителей современных ему католической⁴² и протестантских церквей (древнюю церковь и ее отцов он берет в союзники). Согласно его утверждению, та часть этой теории, которая касается власти народа над королем, уже опровергнута Джоном Хейвудом, Адамом Блэквудом и Уильямом Баркли. Поэтому он концентрирует внимание на критике идеи о том, что все люди рождаются свободными, считая ее источником подобного рода рассуждений.

Вместе с тем в «Патриархии» представлена и собственная теория Филмера. Выше мы уже кратко описали первый слой этой теории в интерпретации Локка. Для более глубокого ее понимания необходимо, однако, обратиться к биографии Филмера и тому социокультурному контексту, в котором создавалась «Патриархия». Основными источниками информации здесь служат статьи Ласлетта, вышедшие в 1948 г., а также его предисловие к изданию работ Филмера 1949 г.⁴³

Будучи первенцем, Филмер после смерти отца унаследовал его состояние и занял место главы семьи. Важно отметить, что в то время в графстве Кент семьи были устроены именно так, как описано в «Патриархии». Все графство состояло из нескольких больших семей, включавших в себя не только родственников, но и слуг. Практически все жители графства входили в ту или иную большую семью, во главе которой стоял отец, обладавший практически неограниченной властью над домочадцами. Иными словами, то окружение, в котором вырос и жил Филмер, вполне соответствовало его теоретическим построениям. Для понимания «Патриархии» принципиален также тот факт, что Филмер не опубликовал и не собирался публиковать «Патриархию»⁴⁴. Она передавалась из рук в руки в списках. Следовательно, в качестве своей аудитории он рассматривал прежде всего образованных дворян графства Кент, которые не просто составляли основной круг его общения, но и сами были членами патриархальных семей, а часто и их главами. Кроме того, существует версия, что Филмер надеялся презентовать свое произведение королю, для чего подготовил «парадный» список «Патриархии» в роскошной обложке, однако ему это не удалось⁴⁵.

В свете упомянутых выше обстоятельств логично предположить, что критикуемые Филмером католические теории гражданского общества и естественного права по-прежнему циркулировали среди аристократии графства. В противном случае написание «Патриархии» было бы лишено смысла⁴⁶. Однако едва ли Филмер опасался роста папского

⁴¹ Здесь и далее ссылки на «Патриархию» даны по изданию: Filmer 1991. В скобках указаны номера главы и пункта.

⁴² Подробнее о роли католических теорий гражданского общества в политической мысли Англии начала XVII в. см. Sommerville 1982: 525—540.

⁴³ Laslett 1948a, 1948b, 1949.

⁴⁴ Laslett 1948b: 532.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Об этом см., в частности, Sommerville 1982: 525.

влияния и подавления монархов церковью — к началу XVII в. подобный поворот событий, во всяком случае в Англии, был маловероятен. Скорее всего, угроза, о которой он пытался предупредить земляков, заключалась в чем-то ином.

Начиная с первой главы основным объектом критики со стороны Филмера становится демократическая форма правления, увлечение которой, по его мнению, произрастало на почве католических теорий естественного права. Критике демократии непосредственно посвящена вторая глава и отчасти третья, где Филмер указывает на зависимость парламента от короля. Тот факт, что критика демократического устройства занимает большую часть «Патриархии», позволяет предположить, что именно в нем Филмер видел главную угрозу. Мы не будем подробно останавливаться на содержательной стороне этой критики, поскольку здесь он не предлагал ничего принципиально нового и, по сути, воспроизводил уже высказывавшуюся до него аргументацию. Впрочем, трудно назвать оригинальной и его концепцию прямого наследования английских монархов Адаму. Сходные построения существовали уже в XV в., в них даже давалось достаточно подробное описание генеалогических древ, по которым шло такое наследование⁴⁷. Не было новаторским и толкование Филмером пятой заповеди («Почитай отца твоего и мать твою» (Исх.20:12)), на которое обрушивается Локк. Аналогичное толкование можно найти в большинстве катехизисов того времени, и эта заповедь веками использовалась для легитимации власти монарха и обоснования необходимости подчинения любому светскому начальству⁴⁸. Более того, тезис о том, что власть короля отличается от власти отца лишь количественно, но не качественно (гл. 2, п. 3), присутствует уже у Томаса Джексона⁴⁹, старшего современника Филмера. Однако теоретическая новизна вряд ли была целью автора «Патриархии». Скорее, как уже говорилось, он пытался предостеречь образованное дворянство графства Кент от увлечения демократией и католическими теориями естественного права.

⁴⁷ Детальный анализ генеалогической аргументации Филмера и ее истоков см. Greenleaf 1966: 157—171.

⁴⁸ Подробнее см. Schochet 1969: 413—441.

⁴⁹ См. Jackson 1844.

Концептуализация тирании

Завершая анализ «Патриархии», обратим внимание на чрезвычайно интересный аспект мысли Филмера, который до сих пор не получил должного освещения и может быть понят только с учетом обозначенной выше цели написания этой работы. Чаще всего в ней упоминаются две формы правления, причем второй по частоте упоминаний после монархии оказывается не демократия, а тирания — при отсутствии какого-либо качественного анализа этой формы правления. Так зачем же Филмер так много говорит о тирании и тиранах? Очевидно, что дело в том самом стремлении оградить Англию от демократии, классическим оружием которой было объявление монарха тираном и призывы к «освобождению от тирании монархии» (гл. 2, п. 13). Едва ли кто-либо из монархов был свергнут, не будучи назван тираном, хотя подобные обвинения не всегда соответствовали действительности. При таком угле

зрения обнаруживается никак не артикулированная самим Филмером, но принципиально важная цель его теории: защита монарха и монархии от обвинений в тирании.

При внимательном чтении «Патриархии» нетрудно заметить, что тирания там неизменно «крадется» за монархией как ее тень и обратная сторона. Так, говоря о древнейшей истории, Филмер отмечает, что первая монархия была создана посредством по сути незаконного, тиранического подчинения одним патриархом других семей (гл. 1, п. 6). Более того, когда иудеи просили себе правителя, они могли просить и тирана, если все монархии тогда были тираниями (гл. 3, п. 2). Вместе с тем, по убеждению Филмера, народ обязан беспрекословно подчиняться тирану, и к потере власти ведет скорее мягкость монарха, нежели тирания.

Пытаясь провести различие между тираном и монархом, Филмер заявляет, что монарх становится тираном, когда перестает править по своим же законам (гл. 3, п. 6). Но сразу же после этого мы читаем, что монарх волен отходить от своих законов, ибо он стоит выше позитивного права и обычаев и может поступать вопреки им (обоснованию этого тезиса посвящена почти половина третьей главы). Можно было бы предположить, что монарх-патриарх отличается от тирана тем, что он связан естественным законом, который обязывает его заботиться о народе, как отец о детях, однако, по Филмеру, тиран и завоеватель тоже подчинены этому закону (гл. 3, п. 6). Таким образом, в рамках филмеровской концепции крайне сложно обнаружить хоть одно четкое различие между монархом и тираном, и причины этого следует искать в тех задачах, которые ставил перед собой автор «Патриархии». Означает ли это, что Филмер был апологетом тирании? Едва ли, поскольку он нигде не дает ей позитивных оценок. Скрытая — и важнейшая — цель Филмера состоит в том, чтобы показать: демократия не является лекарством от тирании (во второй главе, апеллируя к римской истории, Филмер ставит демократию ниже тирании), и даже тираническая власть не оправдывает свержения монарха. С учетом же истории английской монархии, а также аудитории, на которую ориентировался Филмер, и той политической ситуации, в которой он писал свое сочинение, эту цель можно выразить так: Филмер стремился предостеречь аристократов от заговоров против монарха, какими бы соображениями те ни обосновывались. Если посмотреть на «Патриархию» с точки зрения реализации данной установки, то становятся понятными как ее структура, так и выбор затрагиваемых в ней тем.

Тактика Филмера заключалась в том, чтобы продемонстрировать несостоятельность (а) демократической теории естественного права (первая глава), (б) самой демократии как формы правления (вторая глава). Однако поскольку главную опасность для монархии представляли обвинения в тирании, Филмер вновь и вновь возвращался к проблеме тиранического правления. Именно защите короля от подобных обвинений и была посвящена самая большая по объему третья глава

«Патриархии». Эту защиту Филмер вел по двум линиям, выбранным в силу конкретных направлений атаки на королевскую власть в современной ему Англии: во-первых, он ставил короля над позитивным правом, а во-вторых, обосновывал законность власти короля над парламентом и в целом подчиненную роль последнего, тем самым пытаясь доказать, что ни нарушение законов, ни самовольный роспуск парламента не могут служить поводом для свержения монарха, ибо и то и другое полностью вписывается в рамки полномочий, данных ему Богом. Для тех же, кого не убедят подобные рассуждения, у него были припасены примеры из истории, призванные продемонстрировать, что демократия хуже любого тиранического правления.

* * *

В самом начале «Патриархии» Филмер пишет о том, что не будет касаться тайн государственной власти «агсана имрегii». Не пытается он и давать монарху советы, как правильно управлять королевством, ибо для этого нужно самому постоянно заниматься государственными делами. В то же время его нельзя назвать беспристрастным исследователем различных форм правления. Напротив, его целью является критика теории, на которую опираются конкретные политические силы. И здесь невольно возникает вопрос о характере его работы: теоретик Филмер или идеолог, философ или публицист? Хотя ядро его аргументации — естественное право королей, равное отцовскому праву, — по сути, представляет собой теоретическую схему, Филмер использует ее прежде всего для легитимации и защиты власти короля, то есть тоже отстаивает интересы конкретной политической силы, а значит, фактически выступает в роли идеолога.

Разумеется, это не означает, что мысль Филмера не заслуживает внимания в теоретическом и историческом плане. Однако при ее рассмотрении, как было показано выше, не следует ограничиваться концепциями естественного права королей и прямого наследования монархов Адаму. Без понимания тех политических целей, ради которых Филмер выстраивает свои теоретические схемы, он по-прежнему останется не более чем локковской «грушей для битья». Между тем при учете контекста, в котором создавалась «Патриархия», мысль Филмера может обнаружить себя если не как политическая философия, то, по крайней мере, как актуальная своему времени политическая публицистика, а сам он занять достойное место в истории политических и правовых учений.

Библиография

Аристотель. 1983. Политика // Аристотель. *Собрание сочинений: В 4 т.* Т. 4. — М. [Aristotle. 1983. *Politika* // Aristotle. *Sobranie sochinenij: V 4 t.* Т. 4. — М.].

Батлер М.А. 2005. Ранние либеральные истоки феминизма: Джон Локк и наступление на патриархат // *Феминистская критика и реви-*

зия истории политической философии. — М. [Butler M.A. 2005. Rannie liberal'nye istoki feminizma: John Locke i nastuplenie na patriarkhat // Feministskaja kritika i revizija istorii politicheskoi filosofii. — М.].

Гоббс Т. 1991. Левиафан // Гоббс Т. *Сочинения*: В 2 т. Т. 2. — М. [Hobbes T. 1991. Leviathan // Hobbes T. Sochinenija: V 2 t. T. 2. — М.].

История политических и правовых учений XVII—XVIII вв. 1989. — М. [Istorija politicheskikh i pravovykh uchenij XVII—XVIII vv. 1989. — М.].

Коркунов Н.М. 1915. *История философии права*. — СПб. [Korkunov N.M. 1915. Istorija filosofii prava. — SPb.].

Лейст О.Э. (ред.) 2006. *История правовых и политических учений*. — М. [Lejst O.Eh. (red.) 2006. Istorija pravovykh i politicheskikh uchenij. — М.].

Локк Дж. 1988. Два трактата о правлении // Локк Дж. *Сочинения*: В 3 т. Т. 3. — М. [Locke J. 1988. Dva traktata o pravlenii // Locke J. Sochinenija: V 3 t. T. 3. — М.].

Мейнеке Ф. 2004. *Возникновение историзма*. — М. [Meinecke F. 2004. Vozniknovenie istorizma. — М.].

Нерсисянц В.С. (ред.) 2000. *История политических и правовых учений: Учебник для вузов*. — М. [Nersesjanc V.S. (red.) 2000. Istorija politicheskikh i pravovykh uchenij: Uchebnik dlja vuzov. — М.].

Новгородцев П.И. 1914. *Лекции по истории философии права*. — М. [Novgorodcev P.I. 1914. Lekcii po istorii filosofii prava. — М.].

Пейтмен К. 2005. «И сотворил Бог мужчине помощника»: Гоббс, патриархат и супружеское право // *Феминистская критика и ревизия истории политической философии*. — М. [Pateman K. 2005. «I sotvoril Bog muzhchine pomoshhnika»: Hobbes, patriarkhat i supruzheskoe pravo // Feministskaja kritika i revizija istorii politicheskoi filosofii. — М.].

Рассел Б. 2001. *История западной философии*. — Новосибирск. [Russell B. 2001. Istorija zapadnoj filosofii. — Novosibirsk.].

Саксонхаус А. 2005. Аристотель: несовершенные мужчины, иерархия и пределы политики // *Феминистская критика и ревизия истории политической философии*. — М. [Saxonhause A. 2005. Aristotle: nesovershennye muzhchiny, ierarkhija i predely politiki // Feministskaja kritika i revizija istorii politicheskoi filosofii. — М.].

Тесля А.А. *Яков I и Роберт Филмер: политическая доктрина абсолютизма* [Teslja A.A. Jakov I i Robert Filmer: politicheskaja doktrina absoljutizma] (http://www.hrono.ru/statii/2006/teslya_yakov.php).

Феминистская критика и ревизия истории политической философии. 2005. — М. [Feministskaja kritika i revizija istorii politicheskoi filosofii. 2005. — М.].

Чичерин Б.Н. 2006. *История политических учений*. Т. 1. — СПб. [Chicherin B.N. 2006. Istorija politicheskikh uchenij. T. 1. — SPb.].

Эшкрафт Р. 2008. Политическая теория и проблема идеологии // Павлов А. (ред.) *Политическая теория в XX веке: Сб. статей*. — М.

[Ashcraft R. 2008. Politicheskaia teoriia i problema ideologii // Pavlov A. (red.) Politicheskaia teoriia v XX veke: Sb. statejj. — M.].

Ashcraft R. 1980. Revolutionary Politics and Locke's Two Treatises of Government: Radicalism and Lockean Political Theory // *Political Theory*. № 8.

Bradshaw D. 1995. Lonely Royalists: T.S.Eliot and Sir Robert Filmer // *The Review of English Studies*. № 46.

Cuttica C. 2011. Sir Robert Filmer (1588—1653) and the Condescension of Posterity: Historiographical Interpretations // *Intellectual History Review*. Vol. 21. № 2.

Figgis J.N. 1914. *The Divine Right of Kings*. — Cambridge.

Filmer R. 1949. *Patriarchia and Other Political Works*. — Oxford.

Filmer R. 1991. *Patriarcha and Other Writings*. — Cambridge.

Gooch G.P. 1915. *Political Thought in England: From Bacon to Halifax*. — L.

Greenleaf W.H. 1966. Filmer's Patriarchal History // *Historical Journal*. № 9.

Jackson T. 1844. *A Treatise of Christian Obedience* // Jackson T. *Works*. — Oxford.

Laski H. 1920. *Political Thought in England from Locke to Bentham*. — L.

Laslett P. 1948a. The Gentry of Kent in 1640 // *Cambridge Historical Journal*. № 9.

Laslett P. 1948b. Sir Robert Filmer: The Man versus the Whig Myth // *The William and Mary Quarterly*. Vol. 5. № 4.

Laslett P. 1949. Introduction // Filmer R. *Patriarchia and Other Political Works*. — Oxford.

Neumann F. 1957. *The Democratic and the Authoritarian State*. — L.

Schochet G. 1969. Patriarchalism, Politics and Mass Attitudes in Stuart England // *Historical Journal*. Vol. 12. № 3.

Sommerville J.P. 1982. From Suarez to Filmer: a Reappraisal // *Historical Journal*. Vol. 25. № 3.